

DOI 10.15372/HSS20210401

УДК 94:338(47)"192"

КРУГЛЫЙ СТОЛ «НЭП – ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»

**В.М. РЫНКОВ, В.А. ИЛЬИНЫХ, В.В. КОНДРАШИН, Л.И. БОРОДКИН,
В.И. КЛИСТОРИН, И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ, В.П. ЗИНОВЬЕВ, Г.Е. КОРНИЛОВ,
А.А. НИКОЛАЕВ, А.П. КИЛИН, В.С. ПУШКАРЕВ**

В сентябре 2021 г. в Новосибирске состоялась Всероссийская научная конференция «Российские экономические реформы в региональном измерении». Поскольку конференция была посвящена столетию начала нэпа, особое внимание ее участниками уделялось научному осмыслению общих закономерностей и особенностей реализации новой экономической политики. Конференцию завершило заседание круглого стола «Нэп – итоги и перспективы изучения». Помимо проблем историографии его спикеры затрагивали вопросы перспектив нэпа и альтернатив общественного развития России в 1920-е гг. Обсуждение носило дискуссионный характер и позволило не только выявить различие взглядов, но и найти конструктивную платформу для проведения дальнейших исследований. По итогам обсуждения был сделан вывод, что подводить итоги изучения нэпа преждевременно и его историография находится на очередном этапе тематической и методологической бифуркации. Ниже публикуется правленая стенограмма круглого стола.

Ключевые слова: экономические реформы, новая экономическая политика, аграрные преобразования, частный капитал, альтернативы развития, социальная структура.

- Вадим Маркович Рынков** – д-р ист. наук, директор Института истории СО РАН, e-mail: director@history.nsc.ru
Владимир Андреевич Ильиных – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru
Виктор Викторович Кондрашин – д-р ист. наук, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН, e-mail: vikont37@yandex.ru
Леонид Иосифович Бородкин – д-р ист. наук, чл.-кор. РАН, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: borodkin@hist.msu.ru
Владимир Ильич Клиторин – д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, e-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
Игорь Васильевич Побережников – д-р ист. наук, директор Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: pober@r66.ru
Василий Павлович Зиновьев – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета, e-mail: vpz@tsu.ru
Геннадий Егорович Корнилов – д-р ист. наук, заведующий Центром экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: genakorn@mail.ru
Александр Алексеевич Николаев – д-р ист. наук, заместитель директора Института истории СО РАН, e-mail: agronicol@gmail.com
Алексей Павлович Килин – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), e-mail: alexey.kilin@urfu.ru
Виталий Семенович Пушкарев – начальник отдела информационного обеспечения Российского государственного архива экономики, e-mail: oio@rgae.ru
Vadim M. Rynkov – Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: vadvsvet@list.ru
Vladimir A. Pinykh – Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: agro_iwa@mail.ru
Viktor V. Kondrashin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Center of Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, e-mail: vikont37@yandex.ru
Leonid I. Borodkin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member RAS, Head of Department, Lomonosov Moscow State University, e-mail: borodkin@hist.msu.ru
Vladimir I. Klistorin – Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
Igor V. Poberezhnikov – Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: pober@r66.ru
Vasily P. Zinovyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University, e-mail: vpz@tsu.ru
Gennadiy Y. Kornilov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: genakorn@mail.ru
Aleksandr A. Nikolaev – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: agronicol@gmail.com
Aleksey P. Kilin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, e-mail: alexey.kilin@urfu.ru
Vitaly S. Pushkarev – Head of Department, Russian State Archive of Economy, e-mail: oio@rgae.ru

ROUND TABLE DISCUSSION
«NEP – RESULTS AND PROSPECTS FOR STUDY»

**V.M. RYNKOV, V.A. IL'INYKH, V.V. KONDRASHIN, L.I. BORODKIN,
 V.I. KLITORIN, I.V. POBEREZHNIKOV, V.P. ZINOVIEV, G.E. KORNILOV,
 A.A. NIKOLAEV, A.P. KILIN, V.S. PUSHKAREV**

The Round Table “NEP - Results and Prospects of Study” discussion was held on September 17, 2021, during the All-Russian Scientific Conference “Russian Economic Reforms in the Regional Dimension”. Its speakers raised the issue of the NEP prospects besides the historiography problems. V. Rynkov pointed out that the myth about NEP as the “golden age” of Russian economy was created in the late 1980s – early 1990s. Further research of the problem led to the myth deconstruction. NEP was accompanied by a series of crises, and reconstruction processes in a number of regions and industries were not completed. V. Il'inykh concluded that NEP had not created effective mechanisms to overcome rural poverty. Modernization of the country was impossible based on the small-scale peasant economy. V. Kondrashin did not rule out that agriculture could continue developing successfully on the peasant economy basis, had the state support not been curtailed. L. Borodkin supposed that problems of developing the agrarian sector were related to state policy that hindered the agricultural development. Its liberalization, continuation of NEP could lead to sustainable and dynamic development. V. Klitorin pointed out that the decision to wind up NEP, since in 1925, had a political character and was not directly related to economy. I. Poberezhnikov emphasized that NEP was a forced compromise by the Bolshevik government, which had to be curtailed at the end. G. Kornilov and A. Kilin defined NEP as a complex of social and economic reforms, which were carried out in the form of an experiment. V. Zinovyev believed that China and other countries used the NEP experience. A. Nikolaev called on researchers to study NEP in frameworks of longer economic cycles.

As the discussion outcome, it has been concluded that it is premature to sum up NEP study results, and its historiography is at the next stage of thematic and methodological bifurcation.

Key words: economic reforms, New Economic Policy, agrarian reforms, private capital, development alternatives, social structure.

В.М. Рынков. Уважаемые коллеги! Позвольте мне открыть наш круглый стол. Мы договаривались, что сегодня посвятим нашу встречу проблемам изучения нэпа. Для начала возьму на себя смелость поделиться некоторыми соображениями о тенденциях в историографии последнего тридцатилетия. Была одна важная публикация Г.И. Ханина времен перестройки, появившаяся на пике дискуссий о «бухаринской альтернативе» и перспективах дальнейшего развития Советского государства на путях нэпа [1]. В этой дискуссии, как мне кажется, Ханин предложил поставить точку. Он отметил, что из разрухи страну на рельсах нэпа подняли достаточно быстро, но восстановление экономики после Гражданской войны произошло на прежней материальной базе. Отдача начала вновь поступать от фондов, созданных до начала Первой мировой войны. Даже полностью реализовав восстановительный потенциал и выйдя на пик объемов производства, Советское государство к середине 1920-х гг. получило материальную базу примерно середины – конца первого десятилетия XX в. Износ производственных мощностей к концу 1920-х гг. дошел до предела. На имевшейся материальной базе, поддерживая прежние объемы производства, можно было протянуть еще несколько лет, а дальше – тупик.

Тематические дискуссии продолжались в 1990-е и в начале 2000-х гг. Затем в историографии начался новый этап, когда ключевые вопросы уже были обсуждены, важнейшие позиции заявлены и аргументированы и активно уже не обсуждались. Шел нормальный процесс кумулятивного накопления знаний,

были обозначены приоритетные направления, а далее требовалось выделять более частные научные проблемы и решать их на более полной и детальной источниковой базе. Но, на мой взгляд, этими особенностями современный этап историографии не исчерпываются. Историки стали задаваться совершенно новыми вопросами и получать такие ответы, которые только усилили наметившуюся с конца 1990-х гг. новую тенденцию. Причем если на протяжении 1990-х гг. шел процесс конструирования нэпа как периода реформ, то уже с конца десятилетия начинается обратный процесс его деконструирования. Поясно, что имею в виду.

В 1990 г. Л.И. Бородкин и М.А. Свищев в журнале «История СССР» опубликовали статью, посвященную нэпманам [2]. В ней содержался в том числе анализ доходов частных торговцев в динамике с анализом жизненного цикла торговых предприятий. При этом вырисовывался портрет нэпмана. Позднее появились публикации на эту тему Е.В. Демчик по материалам Сибири [3], Р.А. Хазиева – Урала [4]. Из перечисленных исследований мы получили совсем не тот образ нэпмана, который до сих пор сохраняется в учебной литературе и общественном сознании: бывшие и новые «толстопузые» буржуа, быстро разбогатевшие, тратившие свои деньги в ресторанах и на показную роскошь, так как инвестировать было некуда. Выясняется, что основная часть лиц, относимых властями к нэпманам, имела весьма скромный достаток, многие едва сводили концы с концами, это были низы средней страты. Была лишь тончайшая прослойка относительно крупных предпринимателей в

больших городах. Остальные – это мелкие собственники, и даже не предприниматели, а кустари, торговцы на рынке и другие городские обыватели, которых тем не менее официально относили к нэпманам.

Были изданы книги В.А. Ильиных по маслоделению, хлебозаготовкам и сельскому хозяйству Сибири (см., напр.: [5, 6, 7]). Принято считать, что нэп – это период с 1921 по 1928 г. А в работах В.А. Ильиных показано, что восстановительные процессы в Сибири начались позже, шли гораздо медленнее и к довоенным объемам сельскохозяйственного производства регион подошел к концу 1920-х гг. Таким образом, вырисовалась динамика, не укладывавшаяся в представления об общероссийских хронологических рамках нэпа. Причем маслоделие так и не было восстановлено до довоенного уровня.

В 2013 г. в Оренбурге состоялась конференция по голоду в истории России [8]. На ней несколько докладчиков коснулись не только голода в начале 1920-х гг., но и локальных голодовок в другие годы этого десятилетия. О голоде во время нэпа писали и другие исследователи. В связи с этим тезис о восстановлении довоенного уровня развития сельского хозяйства следует воспринимать с большим скепсисом.

Можно предположить, что особенности функционирования аграрной экономики в период нэпа в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке имеют специфический региональный характер. Однако данное предположение не выдерживает критики.

По моим представлениям, важной вехой в процессе деконструкции нэпа стала монография С.А. Есикова «Российская деревня в годы нэпа» [9]. Автору удалось показать на материалах Черноземья, что в сельской экономике Центра России многие процессы шли совсем не так, как их представляли на общероссийском материале. Обратим внимание хотя бы на тот факт, что посевные площади Черноземья так и не достигли довоенного уровня, а вышли на пик своего развития только к 1927 г. Урожайность оставалась заметно ниже довоенного уровня. Переход от продразверстки к продналогу медленно сказывался на восстановительных процессах, а общая динамика развития сельского хозяйства в регионе свидетельствовала о весьма умеренных скромных результатах, а вовсе не о прорывах нэпа. В то же время в Центральном Черноземье в 1920-е гг. происходила масштабная хуторизация, обгонявшая столыпинскую. При этом С.А. Есиков отметил, что колхозно-совхозное производство представляло собой малозаметный сегмент производства, а община даже на фоне массового выходов крестьян на хутора, тем не менее, укреплялась. В монографии показано, что и в налоговой сфере не было курса на восстановление производительных сил. В то же время очевидной была ставка властей на то, чтобы задавить налогами зажиточное

крестьянство, а курс налоговой политики в целом выглядел как очевидное продолжение военного коммунизма и по целям, и по методам.

Подводя итог, хочу сказать, что на современном историографическом этапе происходит явная деконструкция сложившихся представлений о новой экономической политике. Она сегодня представляется гораздо более многоликой и разнообразной. Становится очевидно, что сложившиеся в предыдущие десятилетия представления о нэпе основаны на опыте его осуществления в столице. Возможно, реальный нэп является равнодействующей той экономической политики, которая по-разному проводилась в отдельных регионах и в различных отраслях экономики.

В.А. Ильиных. Уважаемые коллеги! Во-первых, я хочу привлечь ваше внимание к своеобразной рецензии на опубликованную в журнале «Российская история» статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» [10]. Автор рецензии, присутствующий здесь В.В. Кондрашин, крайне негативно оценил фактически полное игнорирование в рецензируемой статье аграрно-крестьянского аспекта проблемы. В связи с этим он задается вопросом: сделал ли ее автор «это намеренно, или, будучи исследователем отдельных аспектов нэпа, просто не владеет необходимой информацией, или не понимает научной значимости указанного важнейшего аспекта» для аналитической реконструкции сущности и противоречий нэпа. Я думаю, что не понимает. Для тех же, кто понимает, абсолютно очевидно, что переход к нэпу и его свертывание, и его динамика неразрывно связаны с экономическим и политическим поведением крестьянства, динамикой сельскохозяйственного производства в стране, его товарностью.

Свой «отклик» В.В. Кондрашин предложил редколлегии журнала, опубликовавшего статью М.Ю. Мухина в «Российской истории», однако получил отказ и был вынужден сделать это на страницах более профильного журнала «Крестьяноведение» [11]. Журнал, безусловно, достойный. Однако позиция «Российской истории» вызывает негативную реакцию и означает, что многие члены его редколлегии также воспринимают нэп однобоко, игнорируя значимость аграрно-крестьянской тематики.

В рецензии В.В. Кондрашин, в частности, указал, что автор статьи об «итогах изучения нэпа» не счел важными и материалы многочисленных сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, в ходе которых период нэпа всегда обсуждался его участниками. Отталкиваясь от данного тезиса, я далее хочу показать некоторые особенности изучения нэпа на последних сессиях симпозиума.

Как правило, авторами докладов по данной проблеме являлись специалисты по аграрной истории 1920-х гг., которые продолжали углубленный ана-

лиз традиционных для них тем: регулирования землепользования, особенностей налогообложения деревни, организационно-хозяйственной структуры крестьянского двора, крестьянского менталитета, социальной дифференциации нэповской деревни, динамики сельскохозяйственного производства, сельскохозяйственной статистики.

Историографическое значение для разработки проблем развития советской деревни в условиях нэпа имели доклады В.А. Саблина, И.В. Гончаровой, А.В. Голубева, О.В. Бершадской, В.А. Ильиных и других исследователей, которые затем публиковались в «Ежегоднике по аграрной истории».

Однако закономерную рутину, на последней сессии симпозиума, состоявшейся в сентябре 2020 г., попытались изменить исследователи, которые ранее изучением нэпа специально не занимались. Это В.В. Кондрашин [12] и В.В. Наухацкий [13]. Такое «вторжение извне», как правило, дает новый импульс для изучения поставленных проблем, уточнения своих собственных устоявшихся и не вызывающих сомнений у коллег позиций. Тем более, если тематические «варяги», как и в этом случае, являются высококлассными профессионалами.

Базовой причиной для их изысканий стала попытка понять причины поражения крестьянства в рамках аграрной революции сверху в начале 1930-х гг. Тем более что за десять лет до этого крестьянство фактически вышло в своей борьбе с большевистским государством победителем, заставив его отказаться от военного коммунизма и перейти к нэпу.

По мнению В.В. Кондрашина, причинами были в том числе изъятие из деревни в годы нэпа оружия, ее зачистка от потенциальных лидеров крестьянского протеста, образование, хотя и немногочисленного, но весьма агрессивного и даже в значительной степени харизматичного слоя сельских активистов. Отмечу, что в деревне в 1920-е гг. появился и постоянно рос слой представителей государственной власти (коммунистов, комсомольцев и других). До революции этого практически не было.

Данный тезис на материалах Северо-Кавказского края, который был одним из лидеров колхозного движения, развил В.В. Наухацкий. Он показал хотя и медленный, но значимый процесс изменения традиционной структуры сельского социума, появление в нем новых акторов исторического процесса: формирование слоя партийно-советско-хозяйственных управленцев, появление новых сельских групп (комсомольцев, колхозников), начавшееся изменение гендерных ролей женщин.

В.В. Кондрашин также отметил изменение демографической структуры. По переписи 1926 г., 67 % сельских жителей были моложе 30 лет. То есть деревня была молодой. Первая мировая и Гражданская

войны, голод 1921–1922 гг. выбили старшие поколения, представлявшие наиболее консервативную часть общины. По его мнению, многие представители деревенской молодежи, особенно из бедняцких семей, связали свою жизненную карьеру с сельским комсомолом, советами, сельской ячейкой большевистской партии. Они отказывались от сохи ради «портфеля». Я полагаю, что портфели прельщали далеко не всех, некоторые селяне просто жаждали новой жизни, хотели вырваться из рутинного круга крестьянской жизни, стать колхозниками, рабочими совхозов, работать на технике, тракторах, иных машинах. Работать по 7–8 часов как городские рабочие и получать не одну зарплату (урожай), а двенадцать.

Изменилась и социальная структура села. Оно нивелировалось на более низком имущественном уровне, обеднялось. В «Уральском историческом вестнике» мной была опубликована статья «Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.» [14], в которой осуществлена попытка доказать, что на протяжении всего нэпа, в том числе и в конце 1920-х гг., абсолютно преобладающей группой российского крестьянства была беднота. В данную группу сельского населения включены дворы без рабочего скота, которые можно отнести к батракам и пауперам, и дворы с одной головой рабочего скота, принадлежащие маломощным крестьянам. Удельный вес данной группы в общем числе крестьянских дворов в 1926 г. составлял почти 87 %, т.е. абсолютное большинство. В конце 1920-х гг. ситуация качественным образом не изменилась. К весне 1929 г., по нашей оценке, доля данной группы составляла около 80 %.

Таким образом, новая экономическая политика действенных механизмов для преодоления деревенской бедности не создала. На основе «мелкого и мельчайшего» крестьянского хозяйства с соответствующим уровнем товарности или ее фактическим отсутствием модернизация страны была невозможна. На мой взгляд, был невозможен и кооперативный («чайновский») вариант модернизации. Товарная (реальная) сельскохозяйственная кооперация должна опираться на более состоятельные многолошадные и многокоровные хозяйства.

В.В. Кондрашин. Нэп будет изучаться еще долгие годы, а региональный подход – это самое оптимальное направление его исследований. Региональное измерение истории России – то, что позволит скорректировать и уточнить многие важные выводы по рассматриваемой проблеме. «Средняя температура по больнице» нередко приводит к скоропалительным и неубедительным выводам. Пример на эту тему – дискуссия об уровне жизни и «голодном экспорте» в дореволюционной России, когда известными всем авторами была определена их «средняя темпера-

тура» и выдан результат, что в Российской империи проблем и противоречий развития не было. Но затем произошла Великая российская революция.

Именно поэтому нужен региональный подход, и то, что сказал В.М. Рынков в своем выступлении, – это «момент истины» конференции: необходимо более активно изучать нэп на региональном уровне, выявлять его региональную специфику, общее и особенное, поскольку в разных регионах ситуация различалась. Например, региональную специфику имеет такой аспект нэпа, как землеустройство, которое не было завершено в годы Гражданской войны. В период нэпа оно было продолжено. Землеустраивались крестьянские общины, крестьянские хозяйства. При этом в ряде случаев, как правило в автономных и многонациональных республиках, происходила самая настоящая «поножовщина», т.е. конфликты возникали из-за земли, а ситуация с землеустройством в разных регионах была разной.

В настоящее время Центр экономической истории Института российской истории РАН и Федеральное архивное агентство готовят сборник документов совместно с казахстанскими коллегами о голоде начала 1930-х гг. в Казахстане и России. Его предыстория в Казахстане начинается с 1927 г., с так называемого «Малого Октября», которая ярко демонстрирует региональную специфику. Таким образом, первый мой тезис – региональное измерение нэпа является важнейшим направлением дальнейшей исследовательской работы.

Второй тезис. В данной дискуссии участвует член-корреспондент РАН Л.И. Бородкин. На недавнем мероприятии (телепередача «Гамбургский счет» (ОРТ) к 100-летию нэпа), в котором я также участвовал, он в качестве аргумента, опровергавшего бесперспективность нэпа, привел пример Китая. В этом же ключе размышляет и профессор Принстонского университета США Стивен Коткин, предложивший своему докторанту тему диссертации «Сравнительный анализ нэпа в советской деревне и Уйгур-Синцзянском районе КНР». Речь идет о сравнительном анализе того, что происходило в 1920-е гг. в советской деревне, и в китайской при Дэн Сяопине – после отказа китайского руководства от политики «большого скачка». При этом известно, что Китай по уровню своего развития заметно уступал советской России. Тем не менее, пойдя по пути реформ, напомиавших советский нэп, он в очень короткое время за счет внутренних ресурсов и внешних источников сумел превратиться в супердержаву.

Рассуждая о потенциале нэпа, следует задаться вопросом, а кто был «носителем» альтернативы сталинской «революции сверху»? На «высшем политическом уровне» все более или менее понятно: это Н.И. Бухарин и правая оппозиция. На эту тему нема-

ло публикаций исследователей (вспомним труды В.П. Данилова, С.А. Есикова и других авторов). Но кто стоял за «правыми» и за Бухариным? В частности, насколько перспективны в плане экономического роста были имеющиеся в стране «крестьянские силы»? Мы знаем, и об этом говорилось в выступлении В.А. Ильиных, что крестьяне были беднее, чем до революции. Но тем не менее была же политика «Лицом к деревне», ставка на крестьянина – культурного хозяйственника. И как бы эти крестьяне повели себя в хозяйственном отношении, если бы им дали больше денег, а власть «сбавила бы обороты» по части темпов индустриализации, не прекращая ее в принципе? Если бы были отрегулированы цены («ножницы цен») и сталинское руководство не пошло бы на поводу у искаженной статистики, обосновавшей в угоду ему огромные крестьянские запасы товарного хлеба, которых в действительности не было? Ведь именно на основании этого мифа была устроена «чрезвычайщина» во время кризиса хлебозаготовок: у кулака есть хлеб, и его нужно забрать силой. Но хлеба не было в том количестве, о котором заявлялось «прогнута властью» статистикой. И в этом смысле потенциал нэпа – это потенциал передовых крестьянских хозяйств, который, на наш взгляд, еще не изучен в должной мере, в том числе на региональном уровне. На эту тему мною организован проект при поддержке РФФИ, который ставит своей целью проследить «цепочку» государственного финансирования крестьянских хозяйств в годы нэпа. И если бы финансирование наращивалось, то каков бы мог быть результат развития крестьянских семейно-трудовых хозяйств? Здесь уместна некая математическая модель, аналогичная той, что в свое время предложили Хантер и Ширмер о развитии экономики СССР без насильственной коллективизации. Как бы развивались крестьянские хозяйства, если бы становилось больше передовых хозяйств? Конечно, при условии другой государственной политики выхода из кризиса хлебозаготовок – не на основе «чрезвычайщины», а с помощью мер преодоления данного кризиса, более «мягких» по форме. На эту тему стоит подумать.

Л.И. Бородкин. Коллеги, я хотел бы сказать, что подходы к исследованию эволюции нэпа, конечно, и сами эволюционируют: я, например, сторонник более оптимистичного взгляда на нэп и его возможные перспективы во второй половине – конце 1920-х гг. Давайте вспомним, в какое время началось строительство Днепрогэса и ряда других электростанций, Сталинградского тракторного завода, Туркестано-Сибирской железной дороги? Во второй половине 1920-х гг., в основном в 1926–1927 гг. Тему развития промышленности в годы нэпа разрабатывает в своих публикациях Ю.М. Голанд [15]. Он, в частности, отмечает, что уже в 1924/25 г. объем инвестиций в ос-

новые фонды впервые превысил амортизационные отчисления, а за три последующих года основной капитал в промышленности вырос на 20 %. В структуре капитальных затрат в промышленности на долю строительства новых предприятий в 1927/28 г. приходилось 27,5 %, прирост валовой продукции промышленности в 1926/27 г. составил 17 %, при этом финансирование капитального строительства за счет внутривенных средств составляло, по данным Голанда, для предприятий группы «А» – 50 %, а группы «Б» – более 80 %. Разумеется, были и проблемы: например, недостаток квалифицированных кадров, ограниченность источников финансирования капитальных работ и др. В связи с этим сельское хозяйство по-прежнему рассматривалось как главный источник средств для предстоявшего индустриального рывка.

Два слова об аграрной политике. Понятно, что проблемы в аграрной сфере в годы нэпа во многом связаны с проводившейся государством политикой, основанной на ножницах цен и низких закупочных ценах, диктовавшихся государством. И поездка Сталина в Сибирь в 1928 г. также имеет понятный контекст. Добавим давление власти на зажиточных крестьян, дававших до революции до половины товарного хлеба. Стоит ли удивляться «кризисам нэпа» в этих обстоятельствах? Поэтому дискуссии об «исчерпанности нэпа», отсутствии перспектив его развития должны вестись в контексте вектора государственной политики 1920-х гг.

Несколько слов о социальной динамике нэповской деревни. Один из тезисов, который озвучивался на партийных форумах того времени (и вызывал дискуссию), был напрямую связан с вопросом о том, в какой мере социальные процессы в деревне приобретают опасный характер. Все чаще высказывалось мнение о том, что в деревне идет расслоение, поляризация, нарастает напряжение между бедным и зажиточным крестьянством, что приведет к социальному взрыву в нэповской деревне. Так ли это было на самом деле?

Здесь мне хотелось бы привести пример моделирования альтернативных вариантов развития, обратившись к социальной динамике крестьянства второй половины периода нэпа. Мы обратились к источникам, которые содержали сведения о социальной мобильности крестьянства – это динамические переписи, которые проводились ЦСУ СССР с середины 1920-х гг. ежегодно по одним и тем же «гнездам» и охватывали свыше 600 тыс. хозяйств. Это наиболее массовое из выборочных обследований доколхозной деревни. Имея данные о распределении крестьянских хозяйств по имущественным группам и количеству хозяйств, которые за год перешли из одной группы в другую, можно с помощью математической модели

дать ретропрогноз социальной структуры с горизонтом в несколько лет. Параметры предложенной нами имитационной модели настраивались по данным источника середины 1920-х гг., а затем год за годом модель вычисляла динамику численности групп (бедняцкие, середняцкие, зажиточные хозяйства), «не зная» при этом, что в 1929 г. произошел «великий перелом». Таким образом мы можем оценить, какой была бы социальная структура доколхозного крестьянства к 1932 г. (конец первой пятилетки) в предположении, что ее эволюция со второй половины 1920-х гг. продолжалась бы в той же тенденции.

Анализ данных динамических переписей показал, что во второй половине 1920-х гг. на территории страны не было ни одного региона, в котором шел бы процесс дифференциации крестьянства в направлении образования полярных групп. В соответствии с моделью сохранение в течение нескольких лет после «великого перелома» условий хозяйственной деятельности, характерных для второй половины 1920-х гг., не привело бы к существенному расслоению деревни, напротив, увеличивалась бы доля середняков за счет уменьшения доли бедняцких дворов при незначительном росте зажиточной группы. Как показывает имитационная модель, продолжение политики нэпа не привело бы ни к существенному росту аграрной экономики, как утверждают одни, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне, как считают другие. Таким образом, выдвигавшийся аргумент о том, что нэповская деревня в конце 1920-х гг. шла к социальной войне, не получил подтверждения в разработанной модели альтернативного развития.

В.И. Клисторин. Я не историк, а экономист, и нэп – не предмет моей специализации. Но у меня данная проблема вызывает интерес, потому что, обращаясь к истории, опыту других стран, мы думаем о текущем развитии нашей страны. Я склоняюсь к тому, что решение о введении нэпа и последующем его свертывании, которое началось уже в 1925 г., это результат политических решений. Поэтому чисто экономический подход к анализу нэпа не годится. Достаточно быстро менялись условия хозяйствования и соответственно стимулы к тому или иному варианту экономического поведения. Конечно, для меня было очень интересно услышать о региональной специфике. В нашей секции особенно много говорили об информации, ее источниках и качестве. Например, обсуждались вопросы, связанные с теневой экономикой, торговлей, контрабандой, имевшие большое значение с учетом оценки итоговых результатов. В свое время Г.И. Ханин в статье «Лукавая цифра» [16] утверждал, что если советская статистика показывала рост национального дохода за почти 70 лет в 90 раз, то реально экономика страны, которая, безус-

ловно, росла очень быстро, фактически увеличилась примерно в 6 раз. Качество информации – это важнейшая проблема, в том числе проблема досчета теплового сектора экономики.

Сейчас идет процесс переосмысления не только периода нэпа, но и довоенного развития, послевоенного развития, последних тридцати лет. Возможно, опыт реконструкции экономического развития отдаленных периодов может пригодиться для того, чтобы лучше понять современный этап развития страны и общества.

И.В. Побережников. Уважаемые коллеги! Есть такая научная классификация, предполагающая существование двух типов познания и двух типов ученых – унификаторов и диверсификаторов. Унификаторы, согласно данной классификации, стараются выявлять общие тенденции и закономерности, а диверсификаторы стремятся акцентировать внимание на деталях, отдельных сегментах и феноменах. Вероятно, В.М. Рынков в своем выступлении имел в виду, что уже пройдены определенные этапы в изучении нэпа, достигнуты определенные успехи. И именно унификаторы часть своей работы уже выполнили, настала пора диверсификаторов, которые обратились к отдельным аспектам, отдельным регионам. В этом контексте мне показалась очень интересной постановка проблемы в его докладе на секции о территориальных окраинах и периферийных отраслях экономики. Очень важно, изучая экономическую историю России, обращаться к регионам, районам, к региональным моделям. С одной стороны, есть общие тенденции, общие закономерности, но их действие не всегда прослеживается на конкретном локальном материале, где могут быть свои логики развития. Поэтому и надо изучать отдельные уклады, отдельные отрасли, отдельные районы, но при этом все-таки постоянно помнить и о перспективе, о долгосрочных тенденциях, пытаться сопоставлять или соотносить процессы и механизмы, которые относятся к пространствам разного уровня или масштаба.

Кстати, многоукладность или, как еще ее определяют А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов, – конгломератно-анклавный тип общности [17], полезная, как мне кажется, категория, которая может быть эффективно применена при изучении нэпа. В некоторых докладах на конференции, например у А.П. Килина, речь шла о многоукладной экономике. Но при этом нужно понимать, что обращаясь к разным уровням анализа, мы получаем несопоставимые и несводимые друг к другу результаты.

Мне кажется, возможны два подхода к изучению нэпа. Один – это отношение к нэпу как к самостоятельному историческому феномену, как к своеобразному социальному и экономическому эксперименту, где были разные акторы, разные уклады, разные ре-

гиональные варианты, своя внутренняя логика. При этом можно как бы отрешиться от исторического контекста, в частности, от того, к чему нэп пришел. А пришел он к своему финалу не вследствие экономической заданности, а вследствие, как уже подчеркивалось на заседании круглого стола, политики и волевых усилий. Здесь уместна реконструкция политэкономии, социологии, политологии нэпа и т.п. Данный подход, когда мы пытаемся понять явление, объект из его внутренней логики (центр тяжести в нем самом), интересен и увлекателен. Однако, он всего объяснить не может. Как писал известный русский/советский литературовед, фольклорист А.П. Скафтымов, «из желудка не поймем дуба, из динамомашин и проводов не увидим электрического тока» [18, с. 23].

Второй подход – исторический, контекстуальный, предполагающий рассмотрение объекта в широком историческом контексте. И в этом случае историк обнаруживает, что нэп был вынужденной уступкой большевистского правительства, и понимает, что это была временная политика, временный интервал исторического процесса, который, несомненно, должен был быть отменен. В данном случае правомерно рассуждение о потенциале нэпа. Я вижу, что у участников сегодняшних обсуждений сложились разные представления по этому поводу. Есть более пессимистичные и более оптимистичные оценки. Здесь возникает вопрос о возможности проведения политики индустриализации. Возможно, сохранение нэпа не позволило бы, по крайней мере в таких масштабах, эту политику (индустриализации) проводить. С другой стороны, возможно, прав тот, кто считает, что продолжение нэповской политики позволило бы добиться неплохих результатов, но при этом избежать трагических издержек и эксцессов «массированной индустриализации». Тем более потенциал нэпа не был раскрыт в полной мере, поскольку большевистское руководство постоянно ограничивало действие товарно-денежных механизмов, не давая развернуть производство и допустить рост социальной дифференциации. Но это вопросы дискуссионные, они нуждаются в дальнейшем углубленном изучении и обсуждении.

В.П. Зиновьев. Уважаемые коллеги! Я хотел бы сказать несколько слов о сути нэпа. Вопрос о нэпе – это вопрос не столько о крестьянстве, сколько о путях развития страны в целом, о месте рынка в развитии экономики страны. Либо обмен с деревней на основе рыночных принципов и государственного регулирования экономики, либо продолжение мобилизационных мер, выросших из опыта Первой мировой войны. Времени на размышления особенно много не было. Большого выбора у большевиков тоже не было: либо принуждение, либо убеждение. Все было возможно. В силу внешних и внутренних обстоятельств победи-

ли сторонники мобилизационного варианта развития, вариант рыночного государственного капитализма не был реализован, хотя он был предложен. Поэтому я должен сказать, что китайский путь развития экономики – на самом деле это русский (советский) путь.

В.В. Кондрашин. Я попросил уточнить, считают ли китайцы свой путь «русским». Коллеги знают, что в Китае в настоящее время опубликованы на китайском языке труды представителей организационно-производственного направления (школы). Китайцы считают их «учебником», рассказывающим о том, как нужно развивать сельское хозяйство на основе крестьянских семейно-трудовых хозяйств. Поэтому, когда мы говорим об альтернативах и потенциале нэпа, то должны помнить, что за этими альтернативами стояли мощные научные силы, составлявшие золотой фонд российской экономической науки (А.В. Чаянов и др.). Разработка русскими экономистами теории крестьянского хозяйства, не российско-го, не китайского, а универсального, в условиях перехода государств от аграрных обществ к индустриальному – это всемирное научное достижение. Данная проблема волновала тогда лучшие умы России, поскольку страна в годы нэпа все еще оставалась крестьянской страной. Нельзя было не учитывать это обстоятельство и не решать крестьянский вопрос. И когда мы ведем дискуссию об альтернативах и потенциале нэпа, следует помнить, что в ней «заочно», «посмертно» участвуют выдающиеся ученые организационно-производственной школы, видевшие потенциал крестьянских хозяйств при условии их государственной поддержки и кооперирования.

В данном контексте следует напомнить, что сделавший доклад на конференции А.М. Никулин из Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ ответил на мой вопрос о том, насколько в современных условиях, учитывая мировой опыт, можно всерьез рассуждать об альтернативах слову нэпа. Он привел примеры того, как развивалось сельское хозяйство с опорой на крестьянское хозяйство и кооперацию при несталинских авторитарных режимах (в Италии, японский режим в Маньчжурии). Выяснилось, что и в авторитарной системе были механизмы сохранения крестьянской экономики и ее приспособления к задачам индустриализации и подготовки к войне.

В.И. Клисторин. Однажды В.Г. Венжер говорил о том, что его работы, а также труды Н.И. Бухарина были опубликованы в Китае и использовались в ходе реформ. После провала «большого скачка» было еще фактическое поражение Китая в войне с Вьетнамом. И после этого начались серьезные реформы, прежде всего резкое сокращение военных расходов, изменение политики по отношению к крестьянству, ликвидация народных коммун, разрешение частной торгов-

ли и т.д. Это все очень напоминает нэп. Опыт Китая и Вьетнама показывает, что даже в таких условиях можно двигаться по пути открытости экономики и экономического взаимодействия с недавними противниками. Опыт названных стран показывает, что подобный вариант развития не является фатальным для монополии одной партии в среднесрочной перспективе.

Л.И. Бородкин. Я полагаю, что сравнения нэпа и экономических реформ в Китае, Вьетнаме и других странах достаточно условны. Конкретно-исторические ситуации в различных странах в момент подобных «развилок» различались. Так, следует учитывать, что нэп начался в обстановке, когда только что закончилась кровавая Гражданская война. Победившая сторона в таких условиях взвешивать перспективы развития достаточно рационально не в состоянии. В конце 1990-х гг. в «Отечественной истории» была опубликована статья В.С. Тяжельникова «Самоубийства коммунистов в 1920-е гг.» [19], в которой содержалась информация о массовых случаях суицида членов РКП(б) в начале нэпа. Негативное отношение многих рядовых членов партии к нэпу, безусловно, оказывало влияние на политику руководства ВКП(б). В то же время успешное развитие экономики в последующие годы постепенно сглаживало подобное влияние. И если бы власть захотела, она могла бы преодолеть подобные настроения. Но в этом случае вставал вопрос: «Для чего мы делали революцию и победили в Гражданской войне? Чтобы вернуться к капиталистическому пути развития?».

Здесь логично обратиться к вопросу об альтернативах «великого перелома», о нереализованных возможностях развития на путях нэпа. Одним из первых историков, обратившихся к методологическим аспектам анализа альтернатив исторического развития России, был академик И.Д. Ковальченко, опубликовавший в 1986 г. статью «Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии» [20]. Автор рассматривал альтернативу как историческую реальность, определяя ее следующим образом: *«Альтернативной является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития»*. Это определение открывает возможности моделирования альтернатив, «развилки» исторического развития. Ковальченко отводил изучению альтернатив важное место, подчеркивая, что их игнорирование «обедняет представления об исторической реальности».

Очевидно, в конце 1920-х гг. имелась «развилка». В руководстве ВКП(б) были сторонники продолжения нэпа (прежде всего Бухарин), эту линию поддерживали и определенные слои городского населения, и более успешная часть крестьянства. В 1928 г.

Бухарин выступил против планировавшейся форсированной коллективизации, отстаивая многоукладную экономику, сбалансированное развитие аграрного и индустриального секторов. Он возражал против «максимума годовой перекачки [средств] из крестьянского хозяйства в промышленность», ратуя за умеренные темпы индустриализации, без «чрезвычайщины». Это противоречило курсу Сталина на мобилизационную модель индустриализации.

Обычно «бухаринскую альтернативу» рассматривают как утопический, несостоятельный вариант развития, ссылаясь в основном на необходимость проведения быстрой «сталинской» индустриализации в связи с угрозой грядущей войны. В рамках нашего круглого стола нет возможности остановиться на этом вопросе. Отмечу лишь, что в определенной степени принятие решения в конце 1920-х гг. зависело от вектора внешней политики государства.

В связи с этим можно обратиться к развилке, к которой вышел на рубеже 1970-х – 1980-х гг. Китай. В середине 1980-х гг. Дэн Сяопин, поддерживая идеи Н.И. Бухарина, признавал, что наиболее правильной моделью социализма был советский нэп. Обеспечив сбалансированную внешнюю политику, избегая международных конфликтов, Китай под влиянием Дэн Сяопина осуществил экономические рыночные реформы, сочетавшие частное сельское хозяйство, смешанные формы предпринимательства и государственное регулирование. Эти реформы («китайский неонэп») привели к быстрому экономическому росту, подъему уровня жизни населения.

В.М. Рышков. Есть очень перспективное направление в исторических исследованиях: изучение влияния идентичности на экономику. То, о чем говорил Л.И. Бородин, связано с идентичностью коммунистов. Они понимали, что дальнейшее углубление рыночных реформ вступает в противоречие с политическими представлениями, ожиданиями, доктриной коммунистов, по существу, с идентичностью тогдашнего советского политического класса. В свое время известный американский экономист, обладатель Нобелевской премии по экономике Джордж Акерлоф показал, насколько идентичность влияет на поведение людей и на их представления о должном и допустимом в экономике. В 1920-е гг. в Советском государстве правящий класс целиком определял внутреннюю политику. И поэтому страна была обречена не на углубление рыночных реформ. Подобное углубление было возможно только в случае, если бы власть была другой. А при существующей власти свертыwanie реформ было неизбежно.

Г.Е. Корнилов. Новая экономическая политика Советского государства в 1921–1929 гг. представляла собой пример вынужденной и кратковременной прагматической экономики, свойственной развивающимся

странам и рассчитанной на быстрый оборот капитала и весомый доход.

Хотелось бы обратиться к проблеме, не получившей широкого отражения в историографии – к разработке и осуществлению административно-территориальной реформы в 1920-е гг. и ее результатам. При этом наиболее эффективным, на мой взгляд, является региональный срез. К примеру, эксперимент с созданием Уральской области с центром в Екатеринбурге/Свердловске в 1923–1934 гг.

Изучение административно-управленческого процесса (процесса организации и функционирования управленческих систем для мобилизации социальных групп, институциональных практик, технологий и ценностей ради достижения общественно значимых целей) относится к числу ключевых проблем отечественной историографии. Административно-управленческий фактор всегда играл существенную роль в процессах модернизации, поскольку он в определенном смысле затрагивает различные сферы жизни общества – экономическую, социально-политическую, демографическую, этническую, культурную и т.п.

В ходе этой реформы была поставлена задача экономического районирования как коренного изменения административно-территориального деления страны на основе создания крепких, хозяйственно самодостаточных административно-территориальных единиц. В декабре 1921 г. была создана Комиссия по районированию при Президиуме ВЦИК, к ее работе были привлечены административная комиссия ВЦИК, комиссия по районированию Наркомата земледелия и ЦСУ. В 1921 г. был разработан принципиальный проект нового районирования страны по схеме – район, округ, область (край). Новая схема районирования должна была усилить тенденции комплексного экономического развития отдельных крупных районов страны внушительными административными ресурсами. При проектировании областей и краев как относительно самодовлеющих в хозяйственном отношении образований главное внимание уделялось наличию топливно-энергетических ресурсов как базы развертывания производительных сил, формирования современной индустриальной структуры хозяйства, а также сокращению нерациональных транспортных перевозок, учитывался при этом и военно-стратегический аспект хозяйственного развития.

В соответствии с главными политическими и экономическими задачами нэпа новое внутриобластное (внутрирайонное) административно-территориальное устройство было также пронизано преимущественно социально-экономическими подходами. Замена прежнего административно-территориального деления (губерния – уезд – волость), в целом вооб-

ще слабо связанного с организацией экономики, новым представляла собой общее укрепление масштаба управления, стало непосредственно связываться, как показали дальнейшие события, с индустриальными перспективами развития общества и соответствующими им масштабами экономического взаимодействия.

В русле национальной политики в составе Уральской области в 1920-е гг. стали создаваться национальные районы и национальные сельсоветы. В 1928 г. в составе Уральской области насчитывалось 14 национальных районов, 1 национальный округ, 228 национальных сельсоветов с преобладающим нерусским населением и 226 – со смешанным, которые в совокупности охватывали 65 % национальных меньшинств, проживавших в сельской местности. В 1925 г. ВЦИК совместно с руководством Уральской области осуществили один из первых экспериментов по созданию национального автономного образования в составе области – Коми-Пермяцкого национального округа. В 1932 г. были созданы вместо Тобольского округа Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий национальные округа. Направленность этих мер была очевидна: показать возможность удовлетворения национальных чаяний народов в составе более крупных промышленно-территориальных образований, выделяемых на экономической основе, вне полномасштабной национальной автономии. Считалось, что Уральский промышленный район мог способствовать более быстрому хозяйственному прогрессу и культурному просвещению коренных народов Севера.

Создание Уральской области (как первый в СССР опыт районирования крупной промышленной области) в дальнейшем послужило примерным образцом для территориально-административного оформления других областей и краев. Начавшийся с 1923 г. процесс районирования развивался по восходящей линии в основном до 1929 г., затем районирование, наоборот, в основном сопровождалось разукрупнением областей и краев. Новые областные и краевые объединения проектировались в соответствии с перспективами намечаемого масштабного индустриального развития. На общий сдвиг территории Уральской области в восточном направлении оказывали влияние перспективы создания индустриального Урало-Кузбасса. Присоединение к Уральской области обширного Тобольского Севера открывало перспективу вовлечения в оборот огромных лесных богатств и за счет этого возможность сохранения в регионе крупных мощностей древесно-угольной металлургии.

Положенный в основу районирования Уральской области принцип экономической целесообразности оказался в целом успешным. Он позволил реализо-

вать в условиях нэпа эффективную планово-рыночную модель регионального развития. Эффективность этой модели обеспечивалась тем, что руководящие органы области получили круг прав и полномочий в сфере хозяйственного управления. В ведении Уралоблисполкома и Уральского областного СНХ (как его хозяйственного отдела) находилась не только местная, но и вся государственная промышленность союзного и республиканского подчинения. Эта схема районирования была сориентирована на ускоренное движение промышленности к новым, перспективным районам сосредоточения сырья и на усиление влияния индустриальных центров на развитие аграрной периферии [21].

С ликвидацией нэпа уже в начале 1930-х гг. руководство страны поставило другую цель – усиление вертикальной системы управления экономикой, поскольку региональное звено управления препятствовало усилению безраздельной власти отраслевых наркоматов. Административно-территориальные изменения 1930-х гг. стали составной частью построения централизованной экономики мобилизационного типа, на пути к созданию более дробного и полностью подконтрольного центру административно-территориального деления.

А.А. Николаев. Современное поколение историков, родившихся в СССР и переживших попытки реформирования российской экономики, начиная с середины 1980-х гг., должно отчетливо осознавать, что период нэпа представляется весьма кратковременным хронологическим отрезком времени не более 7–8 лет, за который новая политическая элита успела сделать немало. Была восстановлена страна, разрушенная до основания в годы Гражданской войны, причем в условиях экономической блокады, не сопоставимых с современными санкционными со стороны Запада, которым противостоит отнюдь не ослабленная Россия. И этот макроэкономический срез должен четко учитываться в конкретно-исторических исследованиях.

Для современников слишком близки были события Первой мировой и Гражданской войны, и они вряд ли проводили жесткую грань по 1917 г. На примере сибирского маслоделия, приносившего в дореволюционный период значительные доходы в казну и бюджет местного крестьянства, видно, как отрасль в годы нэпа утрачивала позитивную динамику и товарность, в том числе за счет ограничения экспорта. Характерно, что некоторые местные сибирские руководители, находясь под свежим впечатлением (всего-то 8–10 лет назад) прорывного успеха молочного животноводства и маслоделия, не в полной мере владели объективной информацией об их состоянии и потенциале накопления для нужд индустриальной модернизации. Секретарь Сибкрайкома С.И. Сырцов в об-

разной форме предложил «въехать в Тельбесс на корове». Но в реальности от «дореволюционных» коров мало что осталось, а многие пошли под нож сначала в 1922 г. из-за засухи, а затем в начале массовой коллективизации. И основным источником финансирования строительства промышленных гигантов стало зерновое хозяйство.

Глубокий анализ экономического развития в 1920-е гг. невозможен без понимания основных тенденций, проявившихся в рамках более длительных экономических циклов, которые не совпадали с периодизацией политической истории. Интерпретация политических процессов на основе базисных экономических сдвигов представляется достаточно актуальной и востребованной не только для науки, но и для системы образования, должны быть предприняты усилия по подготовке учебных пособий и курсов по экономической истории.

А.П. Килин. Поскольку в сферу моих научных интересов входит процесс функционирования частной торговли в условиях многоукладной экономики нэпа, проблематика данного круглого стола представляется мне чрезвычайно актуальной.

Можно констатировать, что в ходе дискуссии выявились две позиции. Сторонники одной настаивают на возможности использовать рыночные механизмы в процессе дальнейшей модернизации страны, пусть более медленными темпами. Сторонники другой полагают, что потенциал смешанной экономики был исчерпан и для рывка, призванного продемонстрировать преимущество социализма, необходимо было перейти к мобилизационной модели.

Полагаю, что можно согласовать эти две позиции. Для меня нэп – это период, когда проводился эксперимент, в рамках которого советское правительство определяло, какие экономические законы и в каком объеме можно было нарушить или скорректировать, приспособить под реализацию собственной, по многим параметрам уникальной модели догоняющего развития, которая была названа «социализмом». Ставилась задача многоукладную экономику, органично присущую стране с ярко выраженной региональной социально-экономической асимметрией, унифицировать и трансформировать в «моноукладную», с абсолютным доминированием государственного уклада. При этом степень или глубина эксперимента определялась реальной или мнимой угрозой потери власти правящей элитой.

Кризисы нэпа были вызваны искусственно и спровоцированы попытками внедрить элементы централизованного планирования в многоукладное хозяйство страны. Это была своего рода серия инъекций для отслеживания реакции организма (отметим, не вполне здорового) на меры прямого директивного

планирования. По этой причине нэп вполне органично вписывается в систему построения мобилизационной экономики, которая виделась в качестве идеала и яркий и запоминающийся эскизный проект которой мы могли наблюдать в период военного коммунизма.

Это был переход к новому обществу, которое строилось с нуля, в виде эксперимента. Нэп в этой системе координат – это переходный период, который выполнял функцию шлюза, позволяющего сгладить перепады «уровня воды», т. е. различия в степени реализации экономических законов в рыночной и плановой (мобилизационной) экономике. Если продолжить это сравнение, то властям необходимо было переместить судно национальной экономики из открытого моря (рыночной стихии), через Беломорканал (ГУЛАГ), в искусственно созданный и отчасти изолированный «социалистический» бассейн, из которого вода выливается или вливается строго в соответствии с условиями задачи из школьного учебника.

В.И. Клисториным уже было сказано, что наше обращение к нэпу во многом обусловлено проблемами сегодняшнего дня. В этой связи возникает вопрос к историкам и экономистам: как они относятся к термину «неонэп» в условиях современной России, обратиться к которому призывают отдельные политологи и публицисты? Возможно, третья волна дискуссии о нэпе возникла в связи с тем, что мы находимся в переломной точке развития, точке бифуркации. Сегодня вновь возникают вопросы об источниках и направлениях модернизации, о децентрализации и подлинном федерализме в современной России. Вероятно, эти причины, помимо юбилейного года, пробудили интерес к нэпу именно сегодня?

В.И. Клисторин. Попытка воплощения идеи неонэпа была предпринята в 1980-х гг.: это кооперативы, совместные предприятия, свободное ценообразование на часть продукции и т.п. Мы знаем, к чему она привела в отличие от собственно нэпа. В другой демографической ситуации и социокультурной среде при наличии слоя людей, подмастерьев, приказчиков, которые копировали действия убежавших хозяев, можно было добиться частичных успехов. А из кого вышли современные предприниматели и какую культуру они вносили в бизнес? Это прежде всего умение выстраивания отношений с властями. Вообще вопросы культуры и общественных настроений чрезвычайно важны. Моя позиция такова, что сейчас неонэп невозможен ни по технологическим, ни по культурным, ни по демографическим параметрам.

В.С. Пушкарев. Очень важным показателем экономического развития в период нэпа было соотношение легального и нелегального рынка. Я занимаюсь историей «черного» рынка. Экономика нэпа напоминала «слоеный пирог», где пересекались товарно-де-

нежные потоки, легальные и нелегальные, и не просто пересекались, а превращались один в другой. И эта особенность сохранялась на протяжении всего советского периода. Поэтому один из основных вопросов нэпа заключался не в победе мобилизационного или рыночного пути развития, а в том, уйдет ли рыночный путь снова «в тень» или не уйдет. Он все время оставался составной частью советской экономики и победил в начале 1990-х гг.

Л.И. Бородкин. Хотел бы прокомментировать мнение А.А. Николаева о необходимости рассматривать исторический процесс в более глубокой ретроспективе. Перед Первой мировой войной Российской империя имела первое место по темпам промышленного развития. Специалисты по экономической истории России (включая зарубежных коллег) признают это. Прирост составлял в среднем 6,5 % в год на протяжении четверти века до начала Первой мировой войны. Конечно, немалую роль здесь играла «низкая база», но и в сравнении со странами «второго эшелона» темпы промышленного роста России были самыми высокими. Важным фактором этого роста были иностранные инвестиции. На начальном этапе дореволюционной индустриализации Российской империи они составляли около 50 %. Перед Первой мировой войной доля иностранных инвестиций снизилась, по сегодняшним оценкам, примерно до 30 %, роль собственных капиталов в развитии промышленности заметно выросла.

Однако с отказом в 1918 г. правительства большевиков от всех иностранных долгов и финансовых обязательств Российской империи страна «выпала» из мировой финансовой системы. Зарубежные кредиты и инвестиции стали невозможны. Это значит, что только за золото и валюту можно было покупать заводы и оборудование на Западе. Основным источником для индустриализации 1930-х гг. стала деревня. За последние десятилетия историография сформировала большой массив сведений о «цене» форсированной трансформации советской экономики и общества в 1930-х гг. Однако выбор вариантов развития на «великом переломе» существовал.

В.М. Рышков. Время, отведенное для проведения круглого стола, исчерпано. Пора подводить итоги. Мы предполагали обсудить итоги и перспективы историографии новой экономической политики, но основное внимание уделили дискуссионным проблемам нэпа. При этом обозначились различные позиции по поводу его перспектив. Сегодняшний круглый стол показал, что подводить итоги изучения нэпа преждевременно и его историография находится на очередном этапе тематической и методологической диффурации. Возможно, мы в начале историографического цикла. Ни на пленарном заседании, ни в работе секции «Нэп: грани изучения», ни в обсуж-

дении на круглом столе никто не говорил о том, что историки находятся на пути выработки новой, прорывной методологии, которая в своем развитии приведет к формированию принципиально нового видения нэпа. Отечественная история 1920-х гг. – это самый сложный период, но он феноменально обеспечен разными видами источников, и что особенно важно для изучения экономической сферы, – большим массивом статистических источников. Тем не менее всегда следует помнить, что статистические источники показывают только то, что посчитано. Иногда ценой немалых усилий нам удается реконструировать неподсчитанную статистикой часть. Но чаще остается лишь догадываться, что кроется под статистически просчитанной вершиной айсберга экономического развития. Насколько коэффициенты и дифляторы позволяют корректно представить реальную динамику экономической ситуации – это большой вопрос. Понимание ограниченности своих возможностей, с одной стороны, позволяет критично оценить предшествующие научные результаты, а с другой – отточить аппарат работы с существующими источниками. Возможно, более совершенная методика работы с ними позволит выйти на новые рубежи изучения нэпа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ханин Г. Как и почему погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10. С. 66–83.
2. Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в период нэпа. К вопросу о росте капитализма из мелкого производства в журнале // История СССР. 1990. № 5. С. 105–121.
3. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 240 с.
4. Последние из могикан: красные купцы эпохи нэпа. Материалы и документы об уральских коммерсантах, 1921–1928 // Сост. Р.А. Хазиев. Уфа: РИО Баш. гос. ун-та, 2003. 311 с.
5. Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996. 98 с.
6. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.
7. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / Ильиных В.А., Андреев С.Н., Рышков В.М. Новосибирск, 2012. 408 с.
8. Голодовки в истории России XVIII – XX вв.: сб. стат. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. 272 с.
9. Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 244 с.
10. Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.
11. Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» // Крестьяноведение. 2021. № 1. С. 180–184.
12. Кондрашин В.В. Крестьянская община и насильственная коллективизация: к вопросу о причинах успеха в советской деревне сталинской «революции сверху» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2020. С. 202–215.

13. Наухацкий В.В. Эволюция социальных структур села в период нэпа (на материалах Северо-Кавказского края) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2020. С. 177–185.

14. Ильиных В.А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 128–134.

15. Голанд Ю.М. Опыт индустриализации при нэпе и его использование в современных условиях // Вопр. экономики. 2013. № 10. С. 109–135.

16. В. Селюнин, Г. Ханин. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181–201.

17. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 109–128.

18. Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М.: Высш. шк., 2007.

19. Тяжелников В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 158–174.

20. Ковальченко И.Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4. С. 83–104

21. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление / ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. 368 с.

REFERENCES

1. Khanin G. How and why NEP died. *ECO*, 1989, no. 10, pp. 66–83. (In Russ.)

2. Borodkin L.I., Svishchev M.A. Social mobility during the NEP period. On the growth of capitalism from small-scale production. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 5, pp. 105–121. (In Russ.)

3. Demchik E.V. Private capital in the cities of Siberia in the 1920s: from revival to liquidation. Barnaul, Altay Univ Publ., 1998, 240 p. (In Russ.)

4. Khaziev R.A. (comp.) The last of the Mohicans: red merchants of the NEP era. Materials and documents on the Ural merchants, 1921–1928. Ufa, Bashkir Univ. Publ., 2003, 311 p. (In Russ.)

5. Ilinykh V.A. The Butter War of 1923–1928 in Siberia (state, cooperation and private capital in the procurement market under NEP conditions). Novosibirsk, 1996, 98 p. (In Russ.)

6. Ilinykh V.A. The state control of agricultural market in Siberia under the New Economic Policy conditions (1921–1928). Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 284 p. (In Russ.)

7. Ilinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. Agriculture of Siberia in the XX century: development problems and crises. Novosibirsk, 2012, 408 p. (In Russ.)

8. Kornilov G.E., Labuzov V.A. (eds.) Famines in the history of Russia in the XVIII–XX centuries: proceedings of the VIII Intern. sci. conf. Orenburg, OSPU Publ., 2013, 272 p. (In Russ.)

9. Esikov S.A. Russian village during NEP. On the issue of alternatives to Stalin's collectivization (based on materials of Central Black Earth Region). Moscow, ROSSPEN, 2010, 244 p. (In Russ.)

10. Mukhin M.Yu. One hundred years of NEP study. Time to take stock? *Rossiyskaya istoriya*, 2020, no. 5, pp. 3–14. (In Russ.)

11. Kondrashin V.V. Response to the article by M. Yu. Mukhin “One hundred years of NEP study. Time to take stock?” *Krest'yanovedenie*, 2021, no. 1, pp. 180–184. (In Russ.)

12. Kondrashin V.V. Peasant community and forced collectivization: on the issue of reasons for success of Stalinist “revolution from above” in Soviet village. *Ezhгодnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2019: Problemy agrarnogo razvitiya Rossii XIV–XX vv.* Voronezh, 2020, pp. 202–215. (In Russ.)

13. Naukhatskiy V.V. Evolution of social structures of the village during the NEP period (based on materials from the North Caucasus Region). *Ezhгодnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2019: Problemy agrarnogo razvitiya Rossii XIV–XX vv.* Voronezh, 2020, pp. 177–185. (In Russ.)

14. Ilinykh V.A. Social mobility of Russian peasantry in the late 1910s–20s: criteria, trends, factors. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2018, no. 4, pp. 128–134. (In Russ.)

15. Goland Yu.M. The experience of industrialization during NEP and its use in modern conditions. *Voprosy ekonomiki*, 2013, no. 10, pp. 109–135. (In Russ.)

16. Selyunin V., Khanin G. Crafty figure. *Novyy mir*, 1987, no. 2, pp. 181–201. (In Russ.)

17. Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. The enclave-conglomerate development type. The trans-system theory experience. *Vostok–Zapad–Rossiya*. Moscow, 2002, pp. 109–128. (In Russ.)

18. Skafymov A.P. Poetics of an art work. Moscow, Vischaya shkola, 2007. 534 p. (In Russ.)

19. Tyazhelnikov V.S. Suicides of communists in 1920s. *Otechestvennaya istoriya*, 1998, no. 6, pp. 158–174. (In Russ.)

20. Kovalchenko I.D. Possible and real and the problems of alternative historical development. *Istoriya SSSR*, 1986, no. 4, pp. 83–104. (In Russ.)

21. Kornilov G.E. (ed.) Economic development of the Urals and West Siberia in the XX century: planning and management. Ekaterinburg, UrB RAS, 2018, 368 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

Дата рецензирования 15.11.2021

Статья принята к публикации 18.11.2021